

Е. К. БРАТЧИКОВА

Сборник образцов для иллюстрирования Жития Василия Нового

(из собрания Ф. И. Буслаева)*

Исследователи Жития Василия Нового давно обратили внимание на то, что текст этого византийского памятника является одним из главных источников при создании иконографии таких сюжетов, как спор души и тела, борьба между ангелами и демонами, воздушные мытарства и Страшный суд.¹ Лицевые списки Жития, отличающиеся от других иллюстрированных произведений агиографического жанра большим количеством миниатюр, основная часть которых приходится именно на эти разделы, лишь подтверждают правомерность существующего мнения. Погружаясь в перипетию драматического содержания Жития, невольно ловишь себя на мысли отобразить прочитанное в художественных образах. Не случайно встречаются списки, в которых, наряду с иллюстрациями к тексту, даны миниатюры с изображением создателей рукописи — писца и миниатюриста, запечатленными в момент обсуждения композиций из цикла мытарств Феодоры: РНБ, собр. Вяземского (далее — Вяз.), Q.I, № 45, л. 20.

И все же, обращаясь к лицевым спискам, среди которых можно выделить несколько художественных редакций, различающихся между собой как характером иллюстрирования в целом, так и каждого фрагмента в отдельности, исследователи вновь возвращались к тексту и рассматривали миниатюры лишь как его комментарий. Текст завораживал красочностью и подробностью описания сюжетов, иконография которых была более известна на примере произведений монументальной живописи и иконописи, чем по миниатюрам рукописных книг. Поэтому все, кто обращался к Житию Василия Нового в XIX и XX столетиях, рассматривали текст памятника в качестве развернутого толкового подлинника.²

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-04-00496а.

¹ Издания Жития Василия Нового и литература о нем указаны О. В. Твороговым. См.: Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников. Вып. 1. С. 142—143; Ср.: ТОДРЛ. Л., 1905. Т. 39. С. 192—193.

² Буслаев Ф. И. Соч. СПб., 1861. Т. 1. С. 401—454; Т. 2. С. 119; Соч. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 435; СПб., 1910. Т. 2. С. 402, 434; Л., 1930. Т. 3. С. 47, 225—227; Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 11—13; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. С. 80—85; Т. 4. С. 546; Т. 5. С. 171; Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887. С. 59, 67, 70—72, 77—78, 86—92, 95—96; Редин Е. К. О лицевых Синодиках, поступивших в распоряжение Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Харь-

Между тем наряду с лицевыми списками Жития, которые уже сами по себе могли восприниматься как лицевые иконописные подлинники, существовало руководство по его иллюстрированию. Оно получило название «Пособие для живописцев, которые будут украшать рисунками текст Жития Василия Нового».³ Вошедшие в него рисунки, переплетенные в одну книжку в виде сборника образцов, хранятся в рукописном отделе РНБ, собр. Буслаева (далее — Бусл.), О.ХИИ.13. Описание сборника в составе «Каталога собрания рукописей Ф. И. Буслаева», принадлежащее И. А. Бычкову, содержит упоминание об их покупке в Москве 1 апреля 1883 г.⁴

Сборник форматом в 8° состоит из 151 л. образцов, выполненных на качественно выделанной тряпичной бумаге с водяными знаками XVIII в.⁵ На лицевой стороне каждого листа помещено по одной контурной композиции, часть из них дана с наименованиями красок, другие — с буквенным обозначением цветов. Имеющиеся на листах надписи выполнены скорописью, фрагменты текста полууставом, инициалы и отдельные слова выделены кинноварью. На оборотах л. 1—20 (но не на всех) приведен относящийся к картинке текст Жития. Самые пространственные выписки состоят либо из начальных и последних строк законченного фрагмента текста, как на л. 20 об. («И сè срѣте ны мытарство 1-е оклеветание, увы, увы. Конец: и отидох без беды»), либо из текстового отрывка, содержащего не более 21 строки. И. А. Бычков датирует рисунки XVIII в. и, называя контурными, пишет о них как о рукотворных. Между тем собранные в «Пособии...» образцы не что иное, как прориси (их большинство) и переводы, выполненные в технике, напоминающей своим видом цветную литографию. Подобное сходство, как отмечал еще Г. Филимонов, характерно для оттисков, сделанных наклепным способом и имеющих в иконописной практике названия «слепка»,⁶ «отлипа»⁷ или «налепка».⁸ Оттиски в зеркальном изображении, многие из них сделаны в два цвета: черный контур и красные заливки в передаче архитектуры. На отдельных листах по нижнему и верхнему краям иллюстрации сохранился резкий след от рамки, применявшейся для механического снятия с композиции перевода.⁹ Но «слепок» так бы и остался «слепком», если бы по нему не прошлась рука мастера. На всех листах фигуры первого плана и архитектурный фон прорисованы чернилами. Пятый лист рукописи был утрачен (об этом сохранилась запись на л. 4: «а 5-й лист потерянь»), поэтому закрепленную за ним композицию пришлось выполнить от руки. Этот лист отли-

ков, 1902; Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 23; Братчикова Е. К. Лицевое Житие Василия Нового как иконографический источник народной эсхатологии // Старообрядчество: История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2001. С. 289—292.

³ Искренне благодарю О. В. Творогова и О. А. Белоброву за поддержку и помощь в работе с лицевыми образцами Жития Василия Нового.

⁴ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. С. 219, № 71.

⁵ На большинстве листов «Пособия...» зафиксирована филигрань «Герб Ярославля» с литерами «ЯФЗ» или «ЯМАЗ», что соответствует типу № 3 (1748—1751, 1756 гг.) у Клепикова, I. С. 23; Клепиков, II. С. 237.

⁶ Филимонов Г. Собрание иконописных рисунков братьев П. и М. Сапожниковых // Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1875. № 6—10. С. 68.

⁷ Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М., 1934. С. 255.

⁸ Маркелов Г. В. Книга иконных образцов. СПб., 2001. Т. 1. С. 13.

⁹ О способах копирования книжных миниатюр см.: Маркелов Г. В. «Налепные образцы» в традиционном книгописании // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 266—267.

чается от других неуверенностью в прорисовке архитектуры и особенно ее орнамента. Видно, как трудно было «зnamenить» чернилами по мягкой бумаге: перо цеплялось за волокна, оставляя на линии точки и небольшие кляксы.

О том, какое перед нами изображение — негативное (как говорили иконописцы, «левое») или его позитивный, «правый» отпечаток, позволяют судить не только композиционные противоречия, как, например, меч в левой руке (л. 1 об.) или благословение левой рукой (л. 2), но и записи с указанием места расположения текста и картинки. Так, композиции мытарств чаще всего сопровождаются такими подписями: «стороница направа» или «лист направа» (л. 25, 26, 27, 29, 30, 33, 36, 37 и др.). А на местах, где предполагалось писать текст, оставлены следующие пометы: «Прописи вся здесь» (л. 10 об.), «Стороница прописи налева» (л. 2), «полтора листа направа» (л. 14), «четыре страницы налева» (л. 38), «пять строк налева» (л. 34), «шесть строк прописи направа» (л. 18), «два листа с половиной налева» (л. 32). Иллюстрации, по-видимому, должны были сопровождаться подписями, образцы которых сохранились на первых листах рукописи: «Константин же некто чиномъ протекурии» (л. 5); «Слышав же азъ Григория сицева безмездна врача» (л. 6); «Егда прихождаху к нему нецыи ползы ради» (л. 7); «И се внезапно смерть беже видение ега яко левъ ревыя» (л. 15), «Яко жже держастоме святая ангеля» (л. 16). На оборотах первых 20 листов помещены текстовые фрагменты; на следующих 20 (л. 21 об.—40 об.) указаны только названия мытарств, по завершении этого раздела текст опускается вовсе.

Не приходится сомневаться в том, что вошедшие в сборник иллюстрации носят вспомогательный, рабочий характер. Тогда возникают вопросы: как выглядел памятник, взятый за образец, и для чего могли быть выполнены листы, вошедшие впоследствии в «Пособие...»? Скорее всего, в качестве образца служили цельногравированные издания, в которых картинка дается в сопровождении текста.¹⁰ Во всяком случае, пропечатавшиеся на листах справа (а не слева, как должно быть в оригинале) под картинкой большие киншварные инициалы не противоречат такому предположению (л. 19). Тогда для каких целей могли быть сделаны оттиски? Возможно, предполагалось создать лицевой список Жития, в котором миниатюры имели бы первостепенное значение, а текст должен был служить как комментарий к картинкам. Подобная тенденция характерна для многих иллюстрированных текстов Жития Василия Нового, но наиболее ярко она проявилась в лицевых списках РНБ: в буслаевском (Q.I, № 1144), содержащем 143 миниатюры (всего в рукописи 141 л.), и в двух списках из собрания Вяземского. Если в одном из них (Q.I, № 45) еще имеется текст (он сопровождает иллюстрации первых 10 листов), то во втором (Q.I, № 90) текстовый комментарий отсутствует, он заменяется подписями под миниатюрами, которые расположены попарно одна над другой на 59 несброшюрованных листах.

Но может быть и другое объяснение. Являясь источником сюжетов эсхатологической темы, иконография Жития Василия Нового должна была быть «закреплена» в некоем практическом руководстве, составленном по образцу лицевых иконописных подлинников. В пользу этой версии можно привести такое наблюдение: наряду с пояснительными записями на отдельных оттисках «Пособия...» проставлены первые буквы из

¹⁰ Литература о цельногравированных изданиях приведена в кн.: Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. М., 1983. С. 75, 152.

названий тех цветов, в которых должна была быть выполнена композиция. На целом ряде листов (5, 7, 8, 10, 12, 13, 19, 20) сохранились обозначения: «з» — зеленого, «к» — красного, «б» — белого, «ч» — черного, «ж» — желтого и «т» — золотого цветов. Там, где не оставлены такие указания, цвет нанесен акварелью: синий — длинными узкими мазками чаще всего встречается в прокраске одежды; жидко положенный зеленый — цвет растительности, архитектуры, элементов костюма; желтый, данный плоскими прозрачными пятнами, обозначает землю; красный — небольшими, сделанными кистью вкраплениями, расцвечивает цветы и ягоды.

Если говорить о стилистике приведенных в «Пособии...» образцов, то необходимо отметить, что все они сделаны с рисунков одной руки в манере, восходящей к традициям древнерусской миниатюры XV—XVII вв. Композиции строго центрические, в основном одно-, реже двухфрагментарные. Действие, как правило, происходит на фоне архитектуры, которая организует пространство и выстраивает его на плоскости. Фигурам первого плана, расположенным друг перед другом через пространственную «паузу», соответствуют архитектурные массы второго, которые воспринимаются как кулисы по отношению к центральной постройке с трехлопастной аркой или перспективным порталом на фасаде. Причем если палаты выделены красным, то контраст света и тени при максимально сближенных композиционных планах дает ощущение глубины пространства и освещенности интерьера. Над очертаниями храмов с завершениями в виде «маковок», башенок, шпилей, двускатных или плоских кровель полукружием проходит стена «городчатого» орнамента, замыкающая пространство на заднем плане. Подобные архитектурные фоны, а также пейзаж в виде горок с крупными лещадками, искусно разработанные изографами XVII в., нашли простое, ясное, в определенном смысле знаковое выражение в иллюстрациях сборника. Достаточно вспомнить многочисленные миниатюры изданных лицевых списков Житий Евфросинии Суздальской, Сергия Радонежского или митрополита Алексия, чтобы стало понятно, какие произведения могли служить образцом при создании композиций «Пособия...».

Иллюстрации отличаются разнообразием в передаче одежд, главным образом головных уборов: царедворец Самона изображен в шляпе с тульей в виде длинного рога, его воины — в шапках с закругленным верхом и маленькими полями (л. 1). Но особенно изощрен знаменщик в прорисовке бесовских нарядов: тут и шапочки с помпонами, и шляпы с низкой плоской тульей и широкими полями (л. 27), и разнообразные короны (л. 25). Судя по указаниям относительно цвета, архитектуру следовало писать в красно-зеленых сочетаниях, эти же цвета должны преобладать и в одеждах, «позем» предлагалось красить зеленым, горки — охрой.

Появившись в помощь живописцам, иллюстрирующим Житие Василия Нового, «Пособие...» стало наиболее полным сборником иконографии этого произведения. Если лицевые списки Жития в основном дают представление о двух видениях Григория: о смерти Феодоры и о Страшном суде, то в «Пособии...» достаточно подробно разработаны и другие эпизоды текста. Так, начальные разделы о том, как Василий попал в Константинополь, представлены семью композициями, среди которых, наряду с известными, такими, как «Утопление Василия» (л. 1), «Чудесное спасение святого дельфинами» (л. 2), «Встреча Василия с Феодорой в доме примикурия Константина» (л. 5), появляются новые сюжеты: «Трапеза в доме Иоанна» (л. 3), «Исцеление больных» (л. 4), «Обретение Василием

ученика Григория» (л. 6), «Духовные подвиги Василия» (л. 7). Житийный рассказ о Феодоре, литературно обработанный Ф. Батюшковым и чаще всего иллюстрированный именно по его схеме,¹¹ в данном случае также претерпел изменения. В сборнике представлены две сцены кончины Феодоры: первая — как реальное усупение с обрядом отпевания (л. 8), вторая — как апокалиптическое явление смерти в виде скелета с косою и коробом за плечами, данное Григорию в видении (л. 15). Это не единственный случай подобного рода. Две миниатюры на смерть Феодоры находим в старообрядческом списке из Библиотеки Академии наук (№ 1.1.44, л. 10, 14), а также в списке РНБ (Ф.И., № 725, л. 11, 17). Причем сцена отпевания в последней рукописи выполнена по образцу аналогичной миниатюры из Жития Евфросинии Суздальской,¹² которая, возможно, и была иконографическим источником этой, нехарактерной для Жития Василия Нового, композиции.

Цикл иллюстраций мытарств Феодоры, исчисляющийся в «Пособии...» 21 композицией, восходит к той лицевой версии, при которой демон и окружающие его бесы располагаются внизу на троне, изображенном на фоне гор, а душа предстает не младенцем, а в виде заключенного в медальон Феодориного «портрета», парящего по воздуху в сопровождении двух ангелов (на л. 14, 15, 16 душа Феодоры изображена в виде младенца). Ф. И. Буслаев считал, что вариант с медальоном является наиболее ранним в истории сложения иконографии души. Его происхождение исследователь относит к V—VI вв. и связывает с портретами почивших, изображенными на щитах или в медальонах, которые помещались на саркофагах. В качестве иллюстрации к статье «Для иконографии души» Ф. И. Буслаев¹³ дает прорисовку композиции одного из мытарств принадлежавшего ему списка Жития Василия Нового (РНБ, Бусл., Ф.И., № 725), миниатюры которого, как уже отмечалось, являются одной из ближайших аналогий композиций, представленных в «Пособии...».

И когда исследователь писал о разнообразии бесов в иллюстрациях к Житию, он также в первую очередь имел в виду рукописи своего собрания.¹⁴ В прорисовках «Пособия...» бесы изображены песьеголовыми («о поругании», л. 21; «о зависти», л. 22) и свиноподобными («обаяние», л. 32; «объядение и чревоугодие», л. 33); с лысыми черепами («празднословие и сквернословие», л. 26) и со стоящими дыбом волосами («немилосердие», л. 40); с короткими крыльями («идолослужение», л. 34) и с длинными в виде веера («о лжи», л. 23); обнаженными («гордостное», л. 25); бурыми (л. 23); пятнистыми («разбойническое», л. 37); «о трех головах» («неправды и тщеславия», л. 28); хвостатыми («сребролюбие», л. 29); кривляющимися («оклеветание», л. 20); с баграми («татевное», л. 38); с дубинами («обаяние», л. 32); с мешками («сребролюбное», л. 29); с кубками («пьянственное», л. 30); с исписанными свитками («блудное», л. 39) и с чистыми («злопомнение», л. 31). И если ангелы остаются неизменными на протяжении всего цикла иллюстраций, то бесы всякий раз принимают новое обличье. Чем позднее список, тем изощреннее становится фантазия знаменщика, значительно отходящего порой от описаний

¹¹ Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891. С. 78—80.

¹² См.: Житие и жизнь благоверныя княжны Евфросинии Суздальской. Списано иноком Григорием. СПб., 1888. Л. 128 (Изд. ОЛДП. Вып. 91).

¹³ Буслаев Ф. И. Для иконографии души // Соч. Л., 1930. Т. 3. С. 225.

¹⁴ Буслаев Ф. И. Мои досуги. С. 12—13.

Силы небесные попирают Содом и Гоморру.
Иллюстрация из «Пособия...» (РНБ, Бусл., О.ХІІІ.ІЗ, л. 71)

в тексте, ср.: БАН, собр. Лукьянова (далее — Лукьян.), № 44, л. 126—142 об.

Иконографическое своеобразие художественной редакции «Пособия...», к которой следует отнести и два других буслаевских списка Жития (РНБ, F.I, № 725; РНБ, Q.I, № 1144), проявилось при создании всех последующих композиций. Рассмотрим тот фрагмент рассказа, когда ангелы показывают Феодоре обители святых. В списках Жития, относящихся к старообрядческой традиции, дана перспектива улицы града Небесного с выстроенными вдоль нее палатами, их двери закрыты, но в окна видны счастливые лица обитателей (БАН, № 1.1.37, л. 41). В одноименной композиции «Пособия...» этот эпизод дан в ином иконографическом изводе: находящиеся на тверди ангелы указывают Феодоре на небо, где в пяти медальонах — силуэты фасадов, прорисованных в традициях палатного письма XVII в., они-то и символизируют обители святых (л. 44). Или другой сюжет — «Лона Авраамово». В лицевых списках Жития XVIII—XX столетий этот сюжет встречается в двух изводах. Первый, композиционно восходящий к миниатюрам с изображением Давида псалмопевца, выглядит так: могучий Авраам в перекинутом через плечо плаще, окруженный душами в виде обнаженных младенцев, восседает посреди райского сада в ожидании ангелов, летящих к нему с душой Феодоры (БАН, Вятское собр., № 877, л. 26; БАН, № 1.1.37, л. 42). Этот иконографический тип может быть представлен с изображением момента, когда Авраам, взяв из ангельских рук душу Феодоры, прячет ее у себя за пазухой. «Лона Авраамово» этого извода находим в огромной, складывающейся «гармошкой» миниатюре старообрядческой рукописи БАН (№ 21.11.9, л. 40), а также в списке Жития из РНБ (Вяз., F.I, № 90, л. 25). В «Пособии...» дан другой иконографический вариант: на престоле восседают три пророка: Авраам, Исаак и Иаков. Вокруг них парами гуляют праведники; душа Феодоры, изображенная в покрывающем ее с головы до пят мофории, спешит им навстречу, ангелы сопровождают ее (л. 46). В миниатюрах рукописей XVIII—XIX вв. чаще встречается именно этот извод «Лона Авраамова». Почти полное иконографическое совпадение, если не считать зеркальности изображения, зафиксировано в рукописи Жития из РНБ (Q.I, № 1144, л. 41 об.); достаточно близкие композиционные аналогии можно отметить еще в четырех списках (РНБ, F.I, № 725, л. 58 об.; Вяз., Q.I, № 73, л. 48 об.; собр. Колобова, № 194, л. 64; БАН, № 1.1.44, л. 31 об.).

Далеко не в каждой лицевой рукописи Жития имеются иллюстрации к чудесам св. Василия, рассказ о которых помещен между видениями Григория о мытарствах и о Страшном суде. В «Пособии...» этот раздел комментируют семь композиций, расположенных в следующем порядке: «Беседа святых Василия и Григория» (л. 53), «Чудо исцеления раба Феодора» (л. 54), «Чудо св. Василия о купце» (л. 55), «Исцеление молитвою» (л. 56), «Изгнание беса из сына Гонгилия» (л. 57), «Исцеление женщины, носящей кость в горле» (л. 58), «Св. Василий на конном ристалище» (л. 59). Из числа уже названных иллюминированных списков иллюстрации к чудесам можно найти: две — в Житии из собрания Вяземского (РНБ, Q.I, № 45, л. 15, 16) и по четыре — в двух списках БАН: № 1.1.44 (л. 36 об., 37 об., 38, 38 об.) и Лукьян., № 44 (л. 145, 146, 146 об., 147 об.). Таким образом, в той редакции, которую находим в «Пособии...», чудеса представлены только в рукописях собрания Буслаева. Два этих списка РНБ: Q.I, № 1144 (л. 49 об., 51, 51 об., 52, 53 об., 54 об., 56) и F.I, № 725 (л. 68 об., 71, 72, 73, 75, 76 об., 78) иконографически полностью повторяют композиции чудес из «Пособия...». Прав-

да, в списке форматом «в лист» в силу незаурядных способностей создававшего его мастера миниатюры чудес разнообразнее и художественно выразительнее.

Восемьдесят девять композиций «Пособия...» относятся к разделу о Страшном суде (л. 60—151). Как и все предыдущие, он ничем не выделен в общем порядке иллюстраций, за исключением, пожалуй, подписей с названиями сюжетов, которыми снабжены лишь отдельные картинки. И этот цикл обращает на себя внимание рядом иконографических особенностей, не характерных для других известных нам списков Жития Василия Нового. Так, на л. 69 (согласно старой буквенной нумерации он значится как л. 70 — «лист направа») помещена композиция «Послание Господа к антихристу». Судя по надписи над картинкой, в которой указано, что эти «лица не с того места, от та влево, как прежде есть» (л. 70), рядом с ней, на обороте л. 69, должна была находиться композиция с изображением огненного столпа. Но поскольку все оттиски в «Пособии...» сделаны на лицевой стороне, а л. 69 и 70 уже были заняты, то это изображение, одно из главных в иконографии Страшного суда, так и не было выполнено. И не только это, отсутствуют сцены «Вода и Земля отдают своих мертвецов», «Явление четырех ангельских полков», «Схождение огненной колесницы», а также последние картины: «Дарование Пресвятой Богородице», «Явися церковь Божия», «Чертог неизреченный», «Едемский рай», «Святые селения», «Взыдоша с Господом» и др.

Чем объяснить, что сборник, который, по сути дела, и создавался как пособие по иконографии Страшного суда, остался без ключевых иллюстраций этого цикла? Ответов может быть несколько. Во-первых, отдельные, в том числе и последние, листы могли быть утрачены еще до того, как Житие попало в руки Ф. И. Буслаева (ведь неизвестно, в каком виде оно было куплено им в 1883 г.). В описании И. А. Бычкова говорится о рисунках на отдельных листах. По всей вероятности, сброшюрованы и переплетены листы были уже тогда, когда принадлежали Ф. И. Буслаеву. Причем порядок иллюстраций исследователь мог установить не только по буквенным обозначениям на листах, но также по образцу списка Жития (РНБ, Q.I, № 1144), купленного им двадцатью годами ранее, миниатюры которого, как мы уже убедились, являются полной иконографической аналогией композициям сборника. Во-вторых, мы ничего не знаем о том, что из себя представляли рисунки, с которых были сделаны оттиски. Путаница в листах, а соответственно и в содержании, могла произойти при переводе рисунков. Во всяком случае подтверждение того, что оттисков должно было быть больше, существует. В том виде, который сборник имеет сейчас, его последний, 151-й по современной нумерации, лист в буквенном выражении обозначен 156-м. Но, очевидно, и он не должен был быть последним. На л. 1 сохранилась запись, в которой упоминается композиция, находящаяся рядом с л. 176. При большом материале и отсутствии перед глазами текста подобные несовпадения неизбежны. Именно поэтому мастера-старообрядцы, иллюстрируя Житие Василия Нового, стремились к тому, чтобы текст и относящаяся к нему миниатюра находились рядом. Наконец, третье: отсутствие в сборнике иконографически сложных композиций могло иметь чисто практическое объяснение. Картины Страшного суда с многочисленными отрядами ангелов, «виды» Вышнего Иерусалима, сцены духовной трапезы и блаженства праведников в раю настолько масштабны, что воплотить их в миниатюре форматом в восьмую долю листа достаточно сложно. Из числа просмотренных

лицевых рукописей лишь одна, старообрядческая, имеет тот же формат, что и «Пособие...» (БАН, № 1.1.44). Большинство списков выполнено на бумаге в 4°, и только несколько образцов сделаны «в лист».¹⁵

Временем создания рисунков «Пособия...», как пишет И. А. Бычков, следует считать XVIII столетие. Действительно, если водяные знаки бумаги датируются 1748—1756 гг., чему не противоречат палеографические характеристики почерка, в первую очередь скорописи, и стилистические особенности художественной манеры композиций, то во второй половине, ближе к концу XVIII в., образцы иллюстраций уже могли быть выполнены. С позиций искусства новейшего времени перед нами редкое, уникальное в своем роде произведение: в кругу лицевых списков Жития Василия Нового оно достаточно раннее; к тому же — авторское, известные имена писца и создателя иллюстраций; и, кроме того, — программное. Оказывается, построенное на иконографическом материале Жития Василия Нового, «Пособие...» замышлялось как образец для иллюстрирования и других эсхатологических текстов (именно поэтому в подписях под картинками не упоминается имени св. Василия). Предусмотренная создателями сборника «программа» была зафиксирована ими в пояснительной записи (л.1), из которой следует, что можно «ония лица писать после Паладия мниха и после поминования умерших или как хошь». Показательно, что и в этом случае Житие рассматривалось главным образом как иконографический источник «видений» о расставании души с телом и о Страшном суде, картинками к которым, по мысли создателей «Пособия...», можно было иллюстрировать Слово Паладия мниха о Втором пришествии Христа, а также другие тексты эсхатологического содержания.

Публикуя записи, И. А. Бычков, видимо, не придавал особого значения тому, что во второй из них названо имя мастера, расцветивавшего образцы: «Как на оной земля раскрашена Семеномъ вохрою, так и на всехъ красить» (л. 1). Примечательно, что в третьей приписке, почему-то не опубликованной И. А. Бычковым, с рекомендациями о том, как следует компоновать лист, названо имя второго мастера — писца всех тех указаний, что оставлены в сборнике едва ли не на каждом листе: «а прописи написа Федор стороныцы по 18 строк на целых» (л. 1).

Как могло случиться, что Ф. И. Буслаев, имея в руках столь необычный экземпляр Жития Василия Нового, не упомянул о нем ни в одном из своих сочинений? С одной стороны, к 1883 г., когда было куплено «Пособие...», основные труды Ф. И. Буслаева уже не только были написаны, но и изданы; с другой — не исключено, что исследователь относился к своему новому приобретению так же, как создававшие его когда-то мастера — писец Федор и знаменщик Семен, т. е. как к материалу вспомогательного характера. Помимо «Пособия...» у Ф. И. Буслаева имелось по крайней мере еще четыре лицевых Жития Василия Нового, одно из которых, форматом «в лист», украшенное 130 миниатюрами, ученый считал лучшим произведением своего книгописного собрания. Иллюстрация именно этой рукописи была опубликована им в «Своде изображений из русских лицевых Апокалипсисов».¹⁶

Остается только догадываться, откуда у сборника могло появиться такое длинное и витиеватое название, как «Пособие для живописцев,

¹⁵ Лицевые списки Жития Василия Нового форматом в «лист» — БАН, Лукьян., № 44; РНБ, Ф.1, № 725; РНБ, Ф.1, № 726; РНБ, Ф.1, № 727.

¹⁶ Буслаев Ф. И. Свод изображений из русских лицевых Апокалипсисов. СПб., 1884. Оп. 4445. С. 27 (Изд. ОЛДП. Вып. 75).

которые будут украшать рисунками текст жития Василия Нового». В самом сборнике названия нет, не указан даже памятник, к которому сделаны образцы. Если бы название давалось Ф. И. Буслаевым, он наверняка написал бы его на первом листе от переплета, как это часто делали владельцы рукописей. Вероятно, и он не рассматривал композиции этого сборника только как образцы для иллюстрирования Жития Василия Нового. Скорее всего, название придумано И. А. Бычковым, которому необходимо было как-то озаглавить памятник прежде, чем внести его в «Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева». Тем более, что самого Ф. И. Буслаева к тому времени могло уже и не быть, он скончался в год выхода «Каталога...», в 1897 г.